

Список использованных источников и литературы

1. Ковалев, А.А. Значение ментальной безопасности в современном мире / А.А. Ковалев // Вестник Вятского государственного университета. – 2023. – № 3 (149). – С. 61–70.
2. Кудрявцева, М.Е. Ментальное здоровье и ментальная гигиена: гуманитарный подход / М.Е. Кудрявцева // Тенденции развития образования. – 2019. – № 46.1. – С. 65–71.
3. Ладенко, И.С. Формирование творческого мышления и культивирование рефлексии / И.С. Ладенко, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов. – Новосибирск : АН СССР, 1990. – 65 с.
4. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994. – 368 с.
5. Сидоров, П.И. Системный анализ ментальной медицины / П.И. Сидоров // Экология человека. – 2013. – № 10. – С. 37–46.

КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО БЕЛОРУСОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

С. В. Телепень

УО МГПУ им. И.П. Шамякина (Мозырь)

Вторая половина XIX века является периодом становления и дальнейшего развития самостоятельной белорусской исторической мысли, приобретающей в это время черты главного средства выражения культурно-символических образов прошлого. Данный процесс закрепления и внедрения в широкие общественные круги научных форм исторической памяти белорусов разворачивался в непростых и во многом противоречивых исторических условиях под влиянием различных факторов. Особенности формирования белорусской исторической мысли в данную эпоху во многом обуславливал не столько академический интерес представителей местной интеллигенции, сколько задачи политического характера. Эти задачи обуславливались как заинтересованностью властей в нейтрализации польского влияния, так и ростом самосознания образованной части белорусского населения, также все более осознававшего себя вне контекста шляхетского мировоззрения. Определенный стимулирующий эффект на рост интереса к белорусской истории и культуре оказали события 1863–1864 годов. Закономерным видится то, что именно в этот период оформляется в качестве особой отрасли знания белорусская историческая наука. Означенный процесс состоял не только в существенном расширении проблемного поля исследуемых тем, но и в адекватном требованиям научного знания оформлении трех важнейших направлений в историографии, традиционно именуемых как официально-консервативное, либеральное и демократическое. Данные наименования, как представляется на уровне современных подходов, характеризуются определенной степенью условности, однако для удобства классификации и объяснения их соотношения мы будем далее использовать указанные условные обозначения.

Известный белорусский историк консервативного лагеря М.О. Коялович, писавший в данный период, отмечает, что в отличие от собственно

польской истории, отличающейся чередой глубоких конфликтов и межконфессиональным противостоянием, белорусская (в узком смысле) история – это гармоничная жизнь простого народа, сохраняющего свою этническую идентичность и православную веру, доставшуюся от предков. В данном вопросе Коялович, по сути, транслирует основные положения теории мирного сосуществования всех слоев общества, идеи социальной солидарности в противовес западной концепции классовой борьбы, разрабатывавшейся не только сторонниками идей К. Маркса, но и авторитетными французскими историками данного периода. Нетрудно заметить влияние на Кояловича идей Д.И. Иловайского и П.Д. Брянцева, разрабатывавших теорию официальной народности [3, с. 92]. В целом же, по мнению Кояловича, главная культурная задача белорусов состоит в том, чтобы вернуться к гармоничному сосуществованию общин и государства как защитника православия и народных традиций [5, с. 393].

Концепция Кояловича, профессора духовной академии, относительно роли православия в истории белорусского народа расценивается современными белорусскими историками как характерная для консервативной историографии означенного периода. Другой мыслитель этого же направления Н. Я. Данилевский писал, что для восточных славян православие имеет смысл культурного кода, очевидным образом не совпадающего с экспансионистским кодом западной цивилизации. Идея справедливости, равенства во Христе, соборности, свойственные православной вере, составляли отличительную особенность восточнославянского мира. Эти особенности восточнославянского цивилизационного типа, по Данилевскому, сохранилась даже во времена иноземного гнета, насильной полонизации и принуждения к подчинению папской церковной власти. Носители православной традиции, утверждал он, никогда не проявляли религиозной нетерпимости: «...только терпели, а не сами заставляли терпеть». Среди славян, считал Данилевский, было лишь одно исключение – поляки. О них историк-консерватор пишет: «Насильственность и нетерпимость отметили характер их истории» [1, с. 226].

Подобные аргументы были характерными для подходов славянофильской историографии. Они также определенным образом оказывали влияние и на либеральную белорусскую историческую мысль. Как консервативная, так и (в меньшей степени) либеральная историография в данный период зачастую исходила из концепции перманентного культурного противостояния западных и восточных начал, в частности это выразилось в оценке межконфессионального противостояния в ВКЛ и Речи Посполитой [7, с. 88].

Консервативная концепция исторического прошлого белорусского народа (получившая, однако, распространение среди грамотной части местного крестьянства) в конце XIX – начале XX вв. была подвергнута резкой критике историками либерального направления. Необходимо тем не менее отметить, что по сравнению с другими славянскими регионами Российской империи, за исключением польских губерний, либеральное

направление в белорусской историографии представлено относительно мало. Одним из объяснений данной ситуации, возможно, можно считать то, что в белорусских губерниях во второй половине XIX в. не имелось собственных научных и университетских центров, в которых, если судить по другим регионам, чаще всего преобладали носители либеральной общественной мысли. Как следствие, большинство белорусских историков были вынуждены осуществлять свою исследовательскую деятельность в университетских центрах вне пределов родного края. Среди таких ученых либеральных взглядов следуют назвать в первую очередь Е.Ф. Карского и М.К. Любавского.

Обстоятельные историко-филологические исследования позволили Карскому обратиться к исследованию проблемы происхождения белорусов как особой историко-культурной общности. Результаты научной работы ученого были изложены в трехтомной работе, озаглавленной «Белорусы». Это было основательное исследование, посвященное генезису и своеобразию белорусского культурно-исторического наследия. Монографическое исследование основывается на результатах анализа языкового материала и данных этнографии. В результате проведенной работы Карский смог довольно точно определить территориальные границы распространения белорусизмов, что сделало возможным составить карту расселения белорусов. В первом томе своего исследования ученый делает интересное заключение о том, что уже к XIV в. на основе древнерусских племен кривичей, дреговичей и радимичей сформировалась белорусская народность [4, с. 112], что хотя с научной точки зрения сейчас воспринимается скептически (путь оформления белорусской общности не был столь прямым, как это виделось Карскому), но в целом позволяет вести дискуссию по означенной теме на научной основе.

Убедительную критику реакционной западнорусистской концепции истории белорусов представляют работы российского историка М. К. Любавского, придерживавшегося последовательно либеральных взглядов. Основная часть его исследований посвящена различным аспектам белорусской истории. Любавский первым в науке выделил четыре периода белорусской истории: 1. Киевский (IX–XII вв.), 2. Литовский (XIII–сер. XVI в.), 3. Польский (вторая половина XVII–XVIII вв.); 4. Российский (XIX–нач. XX в.). Вполне закономерно, что, отталкиваясь от принятых во второй половине XIX в., за критерий своей периодизации историк взял фактор вхождения белорусских земель в состав соответствующего государственно-политического образования. Первоначальным ядром белорусской культурно-исторической общности Любавский считал племенной союз кривичей, населявших в IX–X вв. бассейны Западной Двины, а также верховья Днепра. Начало собственно белорусской государственности ученый усматривал в Полоцком княжестве. Любавский пишет, что полоцкие князья всегда являлись историческим соперником киевских Рюриковичей и стремились к самостоятельности по отношению к великим князьям. Предпосылки такой политики полоцких правителей историк обнаруживает в самосознании боярства и городских кругов Полоцкого княжества. Таковы, согласно данной

концепции, имели собственные торгово-экономические интересы и по этой причине объективно были опорой местных князей, строивших свой феодальный суверенитет в борьбе с центральным правительством киевской державы в качестве носителей белорусской государственно-политической традиции.

Наибольший интерес Любавского был сосредоточен на истории ВКЛ. Как утверждает историк, это княжество являлось государством не литовским, а «литовско-русским», т. е. белорусским по своей сути. Из славянского элемента, в основном населявшего территорию ВКЛ, по идее Любавского, в последующие столетия сформировалась белорусская народность. При этом Любавский подчеркивал, что история ВКЛ являлась непосредственным продолжением истории Киевской Руси, так как «литовско-русское государство» якобы сохранило гораздо больше традиций и черт Киевской Руси, чем Владимиро-Суздальская, а затем Московская земли. Ученый, будучи историком либерально направления, не считал, что сохранение у власти в Восточной Руси княжеской династии и боярских родов, оформившихся еще в киевский период (на территории ВКЛ феодальная элита, восходящая к киевскому периоду, быстро сошла с исторической арены), следует рассматривать как важный фактор государственно-политической преемственности. Напротив, ученый рассматривал формирование ВКЛ как возрождение Киевской Руси. По мнению Любавского, великие кунигасы Литвы выступили в качестве объединителей восточно-славянских земель ВКЛ, тем самым более чем на сто лет опередив Рюриковичей [6, с. 144]. Такие выводы не совпадали с взглядами официальных историков консервативного лагеря, которые пытались доказывать, что только Московское государство стало законным наследником традиций Киевской Руси, а ВКЛ – это результат порабощения православных славян язычниками-кунигасами и их литовскими дружинами.

Сравнивая социально-политические системы Великого Княжества Литовского и восточнорусского государства Рюриковичей, Любавский пришел к выводу, что они принципиально различны. Московское княжество, согласно мнению историка-либерала, формировалось в качестве все более централизующейся монархии, приобретающей форму наследственной автократии византийского типа с иерархически организованным управленческим аппаратом. ВКЛ, напротив, с самого начала характеризовалось высоким уровнем автономии составлявших ее частей [6, с. 114].

Следует отметить, что благодаря исследованиям Карского и Любавского, в работах историков либерального направления впервые была опровергнута официально-клерикальная концепция белорусской истории. Позднее эти идеи получили свое дальнейшее развитие в трудах представителей национально-демократического направления в белорусской историографии, наиболее известными представителями которого был М. В. Довнар-Запольский [2].

Таким образом, во второй половине XIX в. происходит активизация научных исследований исторического прошлого белорусского народа.

В результате, несмотря на неблагоприятные условия (сдерживающая политика властей, сильное влияние польской культуры, отсутствие собственных университетских центров, незавершенность процесса формирования белорусской нации и др.), с помощью либеральной университетской исторической науки в начале XX в. произошел процесс формирования белорусской исторической науки, для которой характерными являются культурно-символические образы прошлого, основывающиеся на идее раннего выделения белорусской культурно-исторической общности из восточнославянского социума. Очевидно, что в своих основных чертах данные образы составляют смысловое наполнение всей последующей национальной белорусской историографии как отражения исторической памяти белорусов.

Материал подготовлен при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь по договору от 22.03.2021 №1410/2021

Список использованных источников и литературы

1. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М. : Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
2. Довнар-Запольский, М.В. Исследования и статьи / М.В. Довнар-Запольский. – Киев : 1-я Киевская артель печатн. дела, 1909. – 486 с.
3. Карев, Д.В. Западноруссизм и его представители / Д.В. Карев // Вестник Гродненского государственного университета. Серия 1. – 2009. – № 2. – С. 90–102.
4. Карский, Е.Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности. Т. 1. / Е.Ф. Карский. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2006. – 656 с.
5. Коялович, М.О. Лекции по истории Западной России / М.О. Коялович. – СПб.: Тип. Бахметева, 1864. – 393 с.
6. Любавский, М.К. Очерки истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 397 с.
7. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / Составил и издал С. Шолкович. – Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1885. – 325 с.

МАЗЫРШЧЫНА НА ПАЧАТКОВЫМ ЭТАПЕ КАЗАЦКА-СЯЛЯНСКАЙ ВАЙНЫ

С. А. Чаропка

ГДУ імя Ф. Скарыны (Гомель)

Казацка-сялянская вайна стала чарговым цяжкім выпрабаваннем для жыхароў беларускіх зямель. У ходзе гэтай вайны яскрава праявіліся сацыяльныя і этнаканфесійныя супярэчнасці, якія спляліся ў Вялікім княстве Літоўскім у адзіны, падавалася, невырашальны мірным шляхам клубок. Вынікам дзяржаўнай палітыкі ўладных колаў Рэчы Паспалітай у этнаканфесійнай сферы, сутнасць якой заключалася ў вестэрнізацыі насельніцтва ВКЛ, стала фарміраванне моцнага апазіцыйнага руху, што з'яднаў у адных шэрагах традыцыйна настроенную частку грамадства, дзе былі прадстаўнікі ўсіх саслоўяў – праваслаўнае духавенства, шляхта, мяшчане і сяляне.